

В январе 1956 года, после демобилизации из армии, в которой прослужил двенадцать лет, я приехал в Ленинград. Вскоре я встретил на улице своего сослуживца, такого же демобилизованного офицера, который работал учеником слесаря на Заводе электрических часов. Он и сгитировал меня идти работать на этот завод. В отделе кадров завода мне предложили стать учеником токаря. Я стал токарем, хотя тайные мысли о литературном поприще не покидали меня.

В 1958 году в ленинградской газете «Смена» был впервые опубликован мой рассказ «На сенокосе», который получил на конкурсе этой газеты поощрительную премию. Следует сказать, что в это время я уже второй год учился на заочном отделении Литературного института им. А.М. Горького, работал на заводе в три смены, и у меня к тому же родилась дочка, так что свободного времени, как, впрочем, и денег, у меня не было. Краем уха я услышал от кого-то, что в «Советском писателе» издают альманах «Молодой Ленинград», и, набравшись дерзости, пошел в это издательство, которое располагалось в то время на третьем этаже Дома книги.

В тесной комнате редакторов сидело несколько человек. Первой, с кем я стал разговаривать, была Минна Исаевна Дикман, которая очень доброжелательно расспросила меня, по какому поводу я пришел сюда, и сообщила, что альманахом в издательстве занимается Маргарита Степановна Довлатова, которая вот-вот должна прийти.

Вскоре и в самом деле пришла эта женщина, худощавая, черноволосая, в очках на весьма заметном крючковатом носу. Должен сказать, что у меня самого нос – весьма заметная часть лица, но у Маргариты Степановны он показался мне каким-то хищным. Прибавьте к этому хрипловатый голос, дымящуюся папиросу во рту да еще цепкий взгляд, который как будто стремился влезть тебе в душу, – станет ясно, что первое впечатление от этой встречи было у меня не очень радужным. Правда Маргарита Степановна разговаривала со мной тоже весьма доброжелательно, поинтересовалась, чем занимаюсь да как живу, и попросила оставить мой рассказ для чтения и рецензирования.

Кажется, через неделю мы встретились с ней вновь, и Довлатова сказала мне, что рассказ ей в общих чертах понравился, и она отдала его читать Леониду Николаевичу Рахманову. Попутно она мне предложила посещать занятия в литературном объединении при «Советском писателе». Я работал на заводе в три смены, да еще надо было по очереди с женой нянчить восьмимесячную дочку, да к тому же писать зачетные работы для Литературного института. Располагая очень малым количеством свободного времени, я отказался от предложения Маргариты Степановны.

Она посмотрела на меня как-то странно и сказала с особой интонацией: – Напрасно вы отказываетесь: у нас очень строгий отбор, попасть в наше литобъединение совсем нелегко.

Видимо, я понял, что совершаю что-то ошибочное, отказываясь от ее предложения, и потому сказал, что посоветуюсь с женой, и если мы выкроим время, то приду на занятия литобъединения. Жена сразу и безоговорочно поддержала идею моего посещения занятий в литературном объединении.

И вот наступил день, вернее, вечер, когда я впервые пришел туда и должен был читать свой рассказ под названием «Медленный рассвет» на предмет принятия или непринятия меня в высокое литературное содружество.

Маргарита Степановна познакомила меня, прежде всего, с Леонидом Николаевичем Рахмановым. Впервые я видел вблизи известного (кто ж не смотрел фильм «Депутат Балтики»?!) писателя, хотя ранее (на вступительных экзаменах в Литинституте) писателей видел издали уже немало. Не могу сказать, что Рахманов поразил меня с первого взгляда. Вежливый, сдержанный, но легко реагирующий на какие-то фразы присутствующих. Улыбчивый.

В комнате собралось уже человек пятнадцать, кроме Рахманова и Довлатовой. Это были молодые авторы, о некоторых из них я знал от

Маргариты Степановны. С уважением в голосе называла она Эдуарда Шима, Виктора Конецкого, Рида Грачева, Сергея Тхоржевского, Николая Сладкова. Были там и Виктор Курочкин, Глеб Горышин, Виктор Голявкин, Вадим Беляев, Эмиль Офин, Аскольд Шейкин, Николай Внуков. Должен был приехать прямо с трассы прораб Владимир Ляленков. Запомнился капитан второго ранга Вадим Инфантьев, еще служивший на флоте. Тихо сидел в углу и как будто даже подремывал мастер с фабрики «Скорород» Федор Гордеев. Еще два относительно молодых парня, два Федоровых – Владимир и Евгений. Эти однофамильцы также были из работяг: один работал на судоходной барже, другой где-то в совхозе под Ленинградом.

Естественно, что всех их я сразу не мог запомнить, хотя Виктора Конецкого с его ироничной улыбкой отметил сразу. Эдуард Шим тоже запомнился какой-то слоновьей важностью: Шим пришел на занятия с некоей женщиной в мехах. Кто-то с кем-то обнимался, шутил, стоял негромкий говор, как в зале ожидания на вокзале. Но все это проходило как бы мимо моего сознания, потому что я был в лихорадке: предстояло мое чтение, и я только сейчас начал понимать, что это за собрание и как мне будет здесь непросто.

Читал я плохо: голос у меня глуховат, а тут и вообще словно бы осип. Я торопился, глотал окончания слов. Но вот чтение мое закончилось, и началось обсуждение рассказа. Боже мой, чего только я не услышал!..

Прежде всего, оказалось, что никакого рассказа нет, что писать я не умею; того, о чем я пишу, вовсе и не бывает, а если бывает, то совсем не так!.. И добро бы это сказал кто-нибудь один, а то почти все находили в рассказе недостатки, и только кто-то – я уже и не упомяну кто – сказал, что основа для рассказа есть, но надо много еще поработать. А Федор Гордеев заявил:

– Рассказ Белинского мне понравился: он так хорошо читал, спокойно, ровно, даже вздремнуть захотелось...

Я чувствовал, что щеки мои горят от стыда, от собственной никчемности. Зачем, зачем я полез сюда, куда таким, как я, доступа не было? Я прослужил в армии двенадцать лет, меня уважали там, ко мне хорошо относятся сейчас в заводском цеху – зачем же мне весь этот стыд, эта публичная порка?..

И тут взял слово Леонид Николаевич Рахманов.

– Что-то мне не нравится наше сегодняшнее обсуждение! У меня такое ощущение от ваших выступлений, что здесь собрался Пен-клуб, этикие мэтры от литературы. Конечно, если здесь сидят члены Пен-клуба,

то рассказ Белинского вас не может удовлетворить. Только я хотел бы напомнить уважаемым членам Пен-клуба, что они еще год тому назад были в таком же самом положении, как автор, которого мы сейчас слушали. Да, у Белинского в рассказе много лишнего, много словесного мусора. Но вот читаем: «А дальше, на склоне высоты, тонули в снегу заросли бамбука. Широкие листья его, занесенные мокрым снегом, устало сопротивлялись ветру, и зелень уже с трудом пробивалась из-под снежного покрова...» Разве вы не видите эту высоту, эти занесенные снегом заросли бамбука?

– Да, в этом что-то есть, – подтвердил кто-то.

– А посмотрите, как ненавязчиво показано: молодой лейтенант боится показаться смешным, боится уронить свой авторитет, – ведь это все не выдуманно, это идет от знания армейской службы, армейской жизни, психологии. Есть конфликт, столкновение характеров – для рассказа это уже немало.

Когда он замолчал, я почувствовал, что настроение в комнате изменилось, все уже улыбались дружелюбно, кто-то нашел возможным сказать мне что-то лестное. Короче, высокое собрание дружно проголосовало за принятие меня в члены литобъединения.

Надо сказать, что несколько лет занятий в этом объединении дали мне как литератору гораздо больше, чем шестилетнее обучение в Литинституте. Хотя и Литературному институту я благодарен за то, что он дал возможность систематически заниматься своим образованием.

Разные занятия происходили в нашем объединении, но все в одинаковой степени были для меня поучительны.

Вот Виктор Голявкин, толстый, улыбчивый студент института имени Репина, перед началом чтения поведал, как он был в Москве и в ЦДЛ сидел за столиком с Юрием Олешей, который очень доброжелательно отнесся к рассказам Виктора, а какому-то юному автору, не понравившемуся ему, крикнул в гневе: «Вон!»

Естественно, что на меня это произвело сильное впечатление. Еще бы! С самим Олешей сидел за одним столом! С тем самым Юрием Олешей, «Три толстяка» которого мне так запомнились еще с довоенного времени!..

Но когда Виктор Голявкин начал читать свои рассказы, я испытал еще большее потрясение. Так мне не написать было ни за что! Удивительное дело: всего несколько строк составляли рассказ «Дверь», но что это были за строки!.. Это была не та дверь, что висит в дверном проеме, в ней не было того-то и того-то, выглядела она не так и не этак. Но, оказывается, это была дверь, на которой лежал... мертвый отец. Все!

А рассказ «Гвоздь»? Когда Виктор читал его, мы, присутствующие, покатывались со смеху, слушая, как глава семейства с целью укрепления домашнего быта забивает здоровенный гвоздь в самый центр круглой столешницы. Гвоздь, вогнанный до половины в стол, отказался идти дальше, но и вынуть его уже было невозможно, и это заставило мать грустно заметить: «Как же я теперь буду скатерть застилать?» Ситуация казалась неразрешимой. Но тут в гости пришло соседнее семейство, в котором было шесть ребятишек, маленьких братьев, которые мгновенно все в доме перевернули, переколотили и в два счета выдернули гвоздь.

Да, конечно, Виктор Голявкин – это талант! Не чета мне!..

Такое же ощущение безусловной талантливости оставалось от чтения рассказа Виктора Конецкого «Причал» (после по этому рассказу был снят кинофильм «Путь к причалу»). У Конецкого к этому времени вышла первая книга «Сквозняк», и для меня он был в некоторой степени образцом молодого писателя.

Были среди нас и другие авторы первых книг, но когда они читали свои рассказы, то на них обрушивалась такая волна критики, что слова, сказанные в мой адрес при чтении «Медленного рассвета» казались райской мелодией. Однако Рахманов и Довлатова вели занятие так, что критика эта никогда не становилась оскорбительной для автора. Конечно, неприятно было выслушивать все замечания, но там все говорили без задней мысли: каждый говорил что думает.

Из того, что читалось авторами на наших занятиях, не все было равноценно. Причем все прекрасно понимали, что у самого талантливого автора могут быть слабые вещи, но эти слабые произведения не ставили крест на его литературных попытках. Я помню, как в пух и в прах был разгромлен киносценарий Виктора Курочкина, по которому впоследствии режиссер Борис Равенских поставил спектакль «Сердце девичье затуманилось». Курочкин в то время, после выхода первой книги «Заколоченный дом», был в раздерганном виде, и казалось, что ему уже не выбраться из какой-то ямы, куда он попал, тем более, что здоровье у него было неважным. Но, вопреки этим опасениям, потом Виктор Курочкин написал повесть «На войне как на войне», которая навсегда вошла в сокровищницу лучших произведений о Великой Отечественной!

Так получилось, что я назвал сразу трех Викторов. Но ведь были и другие интересные молодые писатели, может быть, не такие яркие, но, несомненно, талантливые. Вот Вадим Инфантьев с его военным

рассказом «Шестеро с острова», в котором аэродромные технари, никогда не управлявшие самолетом, совершают перелет к своим войскам.

Вот Глеб Горышин, длинный, напоминаящий де Голля, молодой журналист – я навсегда запомнил такую живописную деталь из одного его рассказа: собранные оборочкой губы после купания в холодной воде. Мне такие запоминающиеся детали давались очень тяжело, равно как и описания природы, а у Глеба Горышина получалось очень хорошо и точно. Это были все очень разные по манере письма авторы.

Вот читает отрывок из своей новой повести Борис Сергуненков, – Борис живет где-то под Ленинградом на лесном кордоне, ведет жизнь лесного сторожа, на наших собраниях появляется редко. Длинный бессюжетный рассказ о том, как где-то на востоке, на Алтае, что ли, гуртовщики перегоняют скот. У присутствующих чувствовалось явное непонимание услышанного. Эта бессюжетная проза не производила выгодного впечатления, и Борису Сергуненкову об этом и сказали во время обсуждения прочитанного. Но дело обстояло так, что Сергуненков и не собирался писать сюжетную прозу, а мы, по своему литературному максимализму, ждали от него именно этого.

После выхода в свет книги Сергуненкова «Лесные сторожа» за ним утвердилась слава певца природы, любителя леса – чуть ли не второго Михаила Пришвина. Но, как показала дальнейшая литературная судьба Бориса Сергуненкова, это было опрометчивое суждение, ибо он стал писать сказки, да еще и с глубокими философскими раздумьями. А его красочный, живописный рассказ о перегоне скота впоследствии вошел в его книгу «Жизнь сказочника». И там он оказался как нельзя более уместным!

Требование крепкого сюжета тогда считалось в нашей среде одним из главных признаков настоящей литературы. Может быть, это происходило еще и оттого, что почти все члены литературного объединения пришли в литературу каждый со своей жизненной биографией, каждый уже повидал кое-что в этом мире, овладел какой-то профессией. Этот жизненный опыт требовал своего воплощения в сюжетной прозе. Но так было недолго.

Года через полтора, как уже упоминалось, в силу каких-то закулисных интриг Леонид Николаевич Рахманов не смог больше руководить нашим литературным объединением. Для большинства из нас это было ударом. Долго правление Союза писателей искало нам нового руково-

дителя. Несколько занятий провел Александр Лебеденко (автор «Тяжелого дивизиона») – и не подошел к этой роли. Затем почти год вел занятие критик Зейлик Штейнман – тоже без особого успеха. Кстати сказать, и Лебеденко, и Штейнман – оба сидели в лагерях в сталинские времена, оба были реабилитированы, но то, что они больше десятка лет были оторваны от литературы, сказалось губительно: они оба как бы выпали из своего времени.

Затем нашим руководителем стал Михаил Слонимский. Он приглашал на наши занятия известных писателей – модную в то время Веру Панову, входившего в зенит Даниила Гранина. А однажды нашим гостем был приехавший из Москвы Константин Паустовский. Паустовский – это для меня звучало! Мне нравились его «Озерный фронт», «Колхида», прочитанные еще в детстве. И вот – живой классик!

Живой классик разочаровал: то ли он был не в ударе, то ли другая причина, но слушать его было неинтересно. Он все признавался в любви к Ленинграду и говорил, что было бы интересно написать роман о том, как здесь встретились бы Блок и, например, Гоголь. Не знаю, как другим, но мне это предположение показалось какой-то вымученной выдумкой, литературщиной. Я в то время еще и не догадывался, что скоро наступит эпоха литературной выдумки, литературы из литературы, литературы грамотных интеллигентных читателей, которые, прочитав огромное количество умных томов, станут писать книги на основе прочитанного – и это будет называться талантливой литературой.

Самым талантливым представителем этой литературы оказался у нас Андрей Битов. Я помню, как он впервые читал свой рассказ «Большой шар». Я слушал его с восхищением и думал с тревогой, что мне никогда, никогда не удастся передать так точно психологические нюансы, как это делает Андрей Битов. Его умение передать словами мысль, которая рождается и в это же время рождает другую мысль, то есть передать сам процесс мышления, – такое умение завораживало. Я видел, что его проза нравилась почти всем членам нашего сообщества, но что-то меня настораживало во всем этом. Что – я и сам не мог сказать тогда.

У Андрея Битова была кое-какая трудовая биография: по крайней мере, из его повести «Одна страна» можно было понять, что он ездил куда-то в Среднюю Азию со студенческим, что ли, отрядом. В этой повести были такие литературные реминисценции, как строки Киплинга «День – ночь, день – ночь мы идем по Африке». А я Киплинга знал только по Маугли

да Рикки-Тикки-Тави. Вольно или невольно начинаешь понимать ущербность своего образования, полученного не в нормальной школе, не в нормальном университете или институте, а путем самообразования в колхозе, в армии, на заводе.

Но в этой повести Андрея Битова для меня было многое приемлемо, потому что в ней он отталкивался от реальных наблюдений и по-своему говорил о насущной жизни, окружавшей нас. А вот когда он читал свою повесть «Такое долгое детство», также заполненную точными наблюдениями, тонким психологизмом, но в целом рисующую великовозрастного бездельника, я позволил себе высказать на обсуждении повести такое мнение: хорошо ему, главному герою повествования, заниматься собой любимым в то время, как кто-то вместо него должен служить в армии или работать на заводе.

Мое выступление, насколько я помню, не вызвало одобрения, ибо почти все были в восторге от Андрея Битова.

Я понимаю Андрея Битова: к нему пристают, требуют дать новый шедевр, прозвучать, чтобы все стонали от восторга. А ему давать нечего, кроме как литературы для литературы.

Может показаться, что все вышесказанное – это слова человека, завидующего своему удачливому товарищу по литературному цеху.

Но, право же, я давно живу по правилу: не завидовать кому-либо живущему. Завидовать – и восхищаться! – можно только классикам, и не всем, а только любимым.

С годами состав нашего литобъединения изменился: пришли другие молодые авторы. На наши занятия уже не приходили Конецкий, Курочкин, Сладков и другие «старрики». А среди «молодых» я все больше чувствовал себя чужим, да и они довольно явственно давали знать, что и я таковым являюсь среди них.

Я терзался тем, что вот они, эти молодые литераторы, такие смелые, такие раскованные, так много знающие, а что собой представляю я?..

Но и переделать себя, подладиться под молодых я не мог, и перестал приходиться на занятия литературного объединения при «Советском писателе».

Прежде чем закончить рассказ о литературном объединении при «Советском писателе», я должен сказать о Маргарите Степановне Довлатовой. Безусловно, что своим составом, интересами литобъединение было обязано, наряду с писателями-руководителями, Маргарите Степановне. Она производила первоначальный отбор рукописей, а значит, и авторов, она их представляла затем руководителям-писате-

лям. Ее энергией занятия проводились регулярно, она затем отбирала произведения для помещения их в альманахе «Молодой Ленинград».

Формально составителями альманаха были другие, но всю черновую работу вела Маргарита Степановна Довлатова. Она первая читала рукописи, она давала первые советы, причем делала это бескорыстно, потому что работа с молодыми была как бы общественной ее нагрузкой.

О ней хорошо сказал мне Аскольд Шейкин, один из наших «семинаристов»:

– У Довлатовой талант выискивать молодых. И если она находит в ком-то искру божью, то она в такого человека вцепится и ведет его вперед и дальше...

Я это почувствовал по отношению к себе. Что-то она увидела в моих первых рассказах, пригласила в литобъединение и, более того, уже в 1958 году два моих рассказа попали в альманах.

Замечу попутно, что, на мой взгляд, литературное объединение может быть только тогда работоспособным, когда имеет перспективу публикации произведений молодых писателей. Если такой перспективы нет, литературное содружество хиреет. Как говаривал Никита Богословский: «Не тот писатель, который не печатается, а тот писатель, который печатается».

Я не могу сказать, что два моих рассказа попали в альманах из-за каких-то выдающихся достоинств. Немаловажную роль, полагаю, сыграло то, что это были рассказы о послевоенной армии. Таких произведений тогда было не очень много. Составителям же альманаха важно было показать разнообразие молодой прозы.

У меня взяли два рассказа: «Медленный рассвет», о котором я уже упоминал, и «Замполит Соколов». С этим замполитом у меня получилась вообще-то не очень приятная история. Первоначально это был не рассказ, а маленькая повесть в сто страниц и называлась она «Взвод идет в Туманное». Мне хотелось рассказать о службе на Курильских островах, где солдату служить было в три раза труднее, чем его сверстнику на материке. Я хотя и был воспитан в духе неукоснительного выполнения требований воинских уставов, но живая армейская жизнь не позволяла рисовать совсем уж благостную картину этой самой жизни. Нет, это не была пресловутая ныне «дедовщина» – тогда у нас такого еще не было. Но ведь жизнь никогда не влезает в рамки, которые ей предписывают уставы, всегда выпирает из них.

Поэтому в повести были изображены некоторые курьезные приключения, случившиеся на тактических учениях. Так, в частности, был эпизод, когда солдат, желая выслужиться, решил перенести через ручей на своих плечах старшего офицера, дабы тот не промочил хромовые сапоги. Но, будучи слабосильным, солдат, как на грех, уронил офицера в ручей. Было там еще несколько подобных, довольно невинных эпизодов. Где-то солдаты применяли неуставную лексику – не матерщину, нет, а просто живую солдатскую речь. Рецензенты, от которых зависело, включать или не включать повесть в состав альманаха, были единодушны: включать. А Маргарита Степановна сказала мне, что дала читать повесть своему мужу, бывшему офицеру, и тот очень одобрительно отозвался о прочитанном. В особенности, ему понравился эпизод с хромовыми сапогами.

Одним словом, я ликовал: у меня берут к публикации сразу повесть и рассказ. Но когда альманах уже был сформирован, его стал читать старший редактор Александр Александрович Троицкий, который решительно заявил Довлатовой в моем присутствии:

– Нет, повесть надо снять! Мы ставим молодого автора под удар: если опубликуем, то ему больше ходу не будет! Я показывал рукопись в Горлите – они решительно против! И эти сапоги!.. А потом, что это за «Туманное»? Это же сразу раскрывает военную тайну!

Так я впервые узнал о существовании Горлита – ведомства по охране тайн в печати. Оказалось, что выдуманное мною Туманное – это военная тайна, что Туманное где-то на самом деле существует.

Маргарита Степановна хотела спасти положение: ей самой неприятно было выкидывать рукопись, четыре авторских листа!..

– Может, мы сократим кое-что?.. – предложила она Троицкому.

Тот засомневался:

– Не знаю, не знаю! Попробуйте, если сможете.

Когда Троицкий ушел, Маргарита Степановна сказала:

– Давайте думать, что можно будет сделать!

Мне уже не хотелось ничего делать, потому что я не понимал, как можно выбросить из повести наиболее дорогие мне фрагменты. Раз дело обстоит так, считал я, то хорошо, что хоть один рассказ берут. Но такая постановка вопроса не понравилась Довлатовой: получился недобор материала на той стадии, когда альманах уже надо было сдавать в набор. И потому она отпустила меня домой, сказав, что сама поработает над сокращениями.

Я не сопротивлялся. Трудно было сопротивляться, когда публикация в альманахе «Молодой Ленинград» была так важна для меня: это

и для учебы в Литинституте кое-что значило, да и авторский гонорар был мне отнюдь не лишний при моих сторублевых заработках на заводе.

Когда сейчас, спустя сорок лет, я перечитал эту повесть (она превратилась после сокращения в рассказ «Замполит Соколов»), то стало не то чтобы стыдно (все же были в ней и живые армейские наблюдения), но заданность конструкции, «правильность» главного героя, конечно же, удручили своей зализанностью, сахарностью. Не хочу брать грех на душу и заявлять, что «все испортили редакторы» – конечно же, испортил я сам.

Позже, когда было обсуждение альманаха в Доме писателя, на Воинова, 18, выступивший с обзором опубликованных произведений тогда еще молодой драматург и прозаик Александр Володин сказал так о моих рассказах:

– Что касается рассказов Белинского, то «Замполит Соколов» мне определенно кажется неудачным, и сказать о нем нечего. А вот «Медленный рассвет» мне понравился. Он вызвал какие-то ассоциации с толстовской «Рубкой леса». Я говорю не о степени таланта, а о том, что рассказ написан как бы ни на чем существенном. Ничего особого не происходит в рассказе, но характеры нарисованы выпукло.

Я был благодарен Александру Моисеевичу за такую оценку. Думаю, что больше он обо мне так хорошо никогда не говорил. Но, может, я и ошибаюсь.

Альманах «Молодой Ленинград» дал мне путь в литературу. Так получилось, что и в следующем 1959 году в альманахе был напечатан мой рассказ «Трудный участок» о разминировании земли неподалеку от Ленинграда. Этой работой мне пришлось заниматься я в 1950 и 1951 годах. Большая часть территории, где работал наш отряд разминирования, составляли Пулковские высоты, прилегающие ныне к территории аэропорта. Но работать тогда пришлось и в Баболовском парке, и в Красном Бору, и в Усть-Ижоре. Впечатления от этого времени вылились в рассказ, в котором я вывел в качестве главного героя командира взвода Виктора Крашакова, с которым вместе служил, только служил значительно позже. А в рассказ я его поместил потому, что мне нужен был именно такой характер.

Рассказ прошел рецензирование, редактуру и чтение в Горлите почти без задоринки, но Маргарита Степановна предложила все же переделать концовку, добавив несколько фраз в духе: «Рад стараться и охота есть!» Когда я включил этот рассказ в свою первую книжку, то концовку

убрал и оставил так, как у меня было написано первоначально. Но теперь уже, после выхода в альманахе, никакой Горлит на это не обратил внимания.

Если не ошибаюсь, в 1960 году в Доме писателя проходила очередная конференция молодых литераторов, я принимал в ней участие и находился в семинаре, которым руководили Лев Васильевич Успенский и Константин Коницев. В этом же семинаре впервые познакомился со Святославом Сахарновым, блестящим флотским офицером, у которого уже были книги, а на обсуждение он представил детскую сказку «Гак и Буртик в стране бездельников». Семинар запомнился тем, что Лев Васильевич доброжелательно отнесся к моему рассказу «Дорога через озеро» и похвалил его за одно слово – «косолапо», которое, по мнению Успенского, мало употребляется в современной литературе, а оно – весьма образное.

Правда, кто-то из руководителей сказал, что в этом рассказе я, не оглядываясь, стреляю куда-то назад, через плечо. Может быть, он был прав, но рассказ мне нравился тогда, не разочаровался в нем я и сейчас. В этом рассказе я написал очень хорошую записку от имени деревенской девушки.

Рассказ «Дорога через озеро» был напечатан в «Молодом Ленинграде» в 1961 году. К этому времени у меня уже было напечатано пять рассказов, и можно было думать об издании первой книги. Я в это время усиленно трудился над новой повестью, в которой уже отразилась моя заводская часть жизни. Но именно в это время мое движение на литературном поприще застопорилось.

Дело с изданием моей книги остановилось. Я уже закончил учебу в институте, и в качестве диплома защищал свою новую повесть (о ней, кстати сказать, дал хороший отзыв Борис Бедный, автор «Девчат»), которую также включил в первую книгу. Но повесть не понравилась Успенской, и она долго не могла (а может, и не хотела) написать редакционное заключение на издание книги.

Положение мое было не совсем простое: закончив Литературный институт, я в 1962 году уволился с завода, рассчитывая заняться литературным трудом. Я не знал еще тогда, сколь горек этот хлеб. Но мне казалось, что все в моей литературной судьбе складывалось вроде бы нормально: печатались рассказы, готова была повесть...

А вопрос об издании книги все откладывался и откладывался. Конечно, включать книгу в план издательства или не включать, решался на высшем издательском уровне, но готовила этот вопрос именно мой ре-

дактор – Успенская, а она его «готовить» не хотела. Не знаю, чем бы это закончилось, но тут неожиданно Кира Михайловна Успенская ушла в отпуск, и на ее место в издательство временно пригласили члена нашего литобъединения Сергея Сергеевича Тхоржевского. Ему в руки и попала моя рукопись. Сергей, будучи человеком деятельным, прочитал ее быстро и написал одобрительное редакционное заключение. Книга была включена в план, пошла в производство.

Названием моей первой книги «Мост через Фонтанку» я также обязан Сергею Тхоржевскому. Повесть, о которой я говорил выше, была безымянной, ни одно название, которые я придумывал, не нравилось мне. Не нравились они и Сергею Сергеевичу. Мне он сказал:

– Тут надо бы что-то наподобие того, как у академика Ферсмана: «Воспоминания о камне». Что-нибудь такое.

Поскольку действие повести происходило в Ленинграде, и в ней упоминался Чернышов мост (мост Ломоносова), то я решил назвать ее «Мост через Фонтанку».

Сергей Сергеевич Тхоржевский еще несколько раз сыграл положительную роль в моей литературной судьбе.

На занятиях в литературном объединении он выделялся своей интеллигентностью, я бы сказал – внутренней воспитанностью. К товарищам по перу относился доброжелательно, и если даже критиковал кого-либо, то никогда это не было желанием уличить, принизить, оскорбить.

От Киры Успенской я знал, что Сергей был племянником «того самого Тхоржевского» (а кто он, «тот самый», Тхоржевский, я не знал тогда, и лишь после узнал, что был такой переводчик-литератор, белоэмигрант, оставивший след в русской литературе). Знал, что со своими родными Сергей Сергеевич был сослан в ссылку («враги народа»), кажется, в Воркуту, что там, в ссылке, интеллигентные люди из ссыльных сделали его образованнейшим человеком.

Позже, в конце шестидесятых, когда у меня шла длительная канитель в издательстве по поводу моей очередной рукописи, и Кира, заявив, что я пытаюсь лягать интеллигенцию, три раза заставляла меня переделывать мою новую повесть «Четыре ветра» (увидевшую свет полвека спустя), Сергей Тхоржевский еще раз преподал мне некоторый урок. Он прочитал эту повесть и сказал:

– Нельзя быть таким прямолинейным! Ты читал статью Герцена «С того берега»?

Не желая признаваться в своей необразованности, я сказал, что читал.

– Врешь! – уверенно заявил мне Тхоржевский. – Если бы читал – написал бы повесть по-иному. Еще возьми и прочитай «Записки из подполья» Достоевского – тоже полезно будет!

«Записок из подполья» я тогда тоже не читал, и, конечно же, после этого разговора кинулся ликвидировать этот пробел. И статьи Герцена (а затем и все «Былое и думы»), и «Записки из подполья» Достоевского заставили меня на многое посмотреть по-иному, но и сейчас, спустя уже сорок лет, я должен сказать, что ничего не изменил бы в концепции своей повести. Тем не менее, Тхоржевскому я был благодарен за то, что он поостерег меня от прямолинейности.

Сергей Сергеевич Тхоржевский сделал для меня еще одно доброе дело: рекомендовал принять в Союз писателей СССР. Две другие рекомендации были от Николая Андреевича Внукова, тоже одного из членов нашего литературного объединения при «Советском писателе», и от Елены Андреевны Вечтомовой. Это случилось только в 1979 году.